

Ермакова Мария Александровна

ЛОНДОНСКАЯ МОРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1935-1936 ГОДОВ И ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В центре внимания данного исследования – политика двух великих держав, Франции и США, накануне и во время Лондонской морской конференции 1935-1936 гг. Используя архивные документы библиотеки Франклина Д. Рузвельта (США), автор анализирует специфику двусторонних франко-американских отношений по вопросу об ограничении морских вооружений. В статье рассматривается реакция Французской республики и Соединенных Штатов на крушение Вашингтонских постановлений 1922 г. и делается вывод о влиянии Лондонской конференции на взаимоотношения двух стран.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 63-67. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

16. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали // Правоведение. 1994. № 3. С. 3–16.
17. Новая степь. 1963. 14 апреля.
18. Сурская правда. 1963. 21 апреля.
19. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 570 с.
20. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 205 с.
21. Шегорцов В. А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981. 172 с.

**PEASANT LEGAL CONSCIOUSNESS DEFORMATION UNDER CONDITIONS
OF SOVIET POLITICAL-LEGAL SPACE IN THE SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY**

Ol'ga Yur'evna El'chaninova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Samara Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia
olga220169_69@mail.ru

The author presents different approaches to the content of the notion “legal consciousness”, provides the theoretical-legal analysis of this phenomenon essential characteristics, shows that as a result of gross errors in agricultural policy, the absence of the rational and understandable for a peasant forms of personal and collective interests combination the transformation of his legal consciousness occurs; and researchers the problems of the determination and causation, forms and consequences of peasant legal consciousness deformation.

Key words and phrases: legal consciousness; right; law; legal mentality; peasantry; deformed legal consciousness; collective farm system; legal order; Model Charter of Collective Farm; national legal consciousness.

УДК 94(100)"1934/36"

Исторические науки и археология

В центре внимания данного исследования – политика двух великих держав, Франции и США, накануне и во время Лондонской морской конференции 1935-1936 гг. Используя архивные документы библиотеки Франклина Д. Рузвельта (США), автор анализирует специфику двусторонних франко-американских отношений по вопросу об ограничении морских вооружений. В статье рассматривается реакция Французской республики и Соединенных Штатов на крушение Вашингтонских постановлений 1922 г. и делается вывод о влиянии Лондонской конференции на взаимоотношения двух стран.

Ключевые слова и фразы: франко-американские отношения; Лондонская морская конференция 1935-1936 гг.; морское разоружение; Вашингтонский договор 1922 г.; гонка морских вооружений.

Мария Александровна Ермакова

*Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
maria.ermakova@mail.ru*

**ЛОНДОНСКАЯ МОРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1935-1936 ГОДОВ
И ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ[©]**

Вопрос о причинах Второй мировой войны всегда привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Исследователи пытались объяснить сущность политики умиротворения и раскрыть противоречия, не позволившие западным демократиям создать противовес странам-агрессорам. Несмотря на лавину исторической литературы, специальных исследований по франко-американским отношениям очень мало (в отечественной историографии их практически нет). Обделенными вниманием оказались взаимоотношения двух великих держав, основателей Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, от которых во многом зависела ее стабильность и устойчивость.

Настоящая статья посвящена Лондонской морской конференции и в целом проблеме морских вооружений в середине 1930-х гг. в контексте дипломатических отношений Франции и Соединенных Штатов. 29 декабря 1934 г. Япония объявила о денонсации Вашингтонского договора 1922 г. Под угрозой оказалась вся система договорных обязательств по ограничению морских вооружений, дальневосточным и тихоокеанским вопросам. Какова была реакция Франции и США на действия Японии, в чем заключались различия в подходах этих стран к вопросу об ограничении морских вооружений, и как повлияло на франко-американские отношения крушение Вашингтонских постановлений, – вот основные вопросы, стоящие перед автором.

В течение лета и осени 1934 г., с перерывами, в Лондоне велись дипломатические переговоры между Великобританией, Японией и Соединенными Штатами по вопросу о предстоящей в 1935 г. новой морской конференции. Предполагалось, что как только будет достигнуто предварительное соглашение, к переговорам присоединятся Италия и Франция, а позднее - СССР и Германия. Официальной задачей предстоящей конференции первоначально был пересмотр Лондонского морского договора 1930 г., срок действия которого истекал 31 декабря 1936 г.

Япония в принципе не возражала против созыва конференции, но настаивала на том, чтобы на ней было закреплено равенство японского флота с флотами США и Великобритании. 29 декабря 1934 г. японский посол в США Х. Сайто вручил госдепартаменту ноту о денонсации Вашингтонского договора [10, р. 241, 251].

Расторжение Японией Вашингтонского договора явилось логическим следствием японской политики. Оно означало полное торжество в Стране восходящего солнца сторонников максимального усиления вооружений и укрепления морской мощи. Притязания на паритет с английским и американским флотами, по существу, представляли собой юридическую формулу для обеспечения безраздельного господства японского флота в западной части Тихоокеанского бассейна [1, с. 239].

Соединенные Штаты, являвшиеся среди западных стран главным антагонистом Японии как в дальневосточных вопросах, так и в тесно связанных с ними вопросах о соотношении морских сил, были обеспокоены возможностью японского перевооружения. Американский морской атташе в Токио сообщал в Вашингтон, что «если конференция провалится, Япония сразу же начнет регулярную систематическую программу по строительству субмарин, эсминцев и крейсеров» [15]. Некоторые члены госдепартамента и морского министерства выражали опасения в связи со слабостью американского флота по отношению к японскому [14; 16]. Хотя Вашингтонская (1922 г.) и Лондонская (1930 г.) конференции установили соотношение между флотами США и Японии 5:3, фактическое положение вещей к середине 1930-х гг. было иным. Япония построила с 1922 до 1933 гг. около 150 боевых судов с общим водоизмещением в 400 тыс. тонн, а США за тот же период - лишь 44 корабля с водоизмещением в 205 тыс. [17, р. 10]. Япония, таким образом, уже к 1933 г. использовала свою норму почти целиком. Вашингтон же, напротив, смог активно приступить к военно-морскому строительству лишь с 1934 г. В марте этого года конгресс США утвердил закон Винсона-Трамеля, предусматривавший доведение американского флота к 1942 г. во всех категориях кораблей до лимитов, установленных морскими договорами. С этого времени расходы США на военно-морское строительство постоянно увеличивались.

В сентябре 1934 г. на совещании в госдепартаменте начальник оперативного штаба военно-морских сил адмирал У. Стендли настоял на том, что соотношение 5:3 между флотами США и Японии должно быть сохранено «любой ценой». Через несколько дней с этим принципом согласились государственный секретарь К. Хэлл и президент Ф. Рузвельт [18, р. 210]. При этом президент четко дал понять, что главной целью конференции является разоружение. Его инструкции главе американской делегации на Лондонской конференции Н. Дэвису гласили: «Мы не хотим увеличения военно-морского флота, мы пытаемся ограничить и сократить вооружения, мы не желаем превышать лимиты, установленные соответствующими договорами» [10, р. 227].

Какова была роль Франции в вопросе морского разоружения? На первый взгляд, - незначительная. На Вашингтонской конференции Третья республика была исключена из неформальной «большой тройки» морских держав. Вашингтонский договор 1922 г. установил ее морской паритет с Италией и закрепил соотношение 1,75:5 по отношению к флотам англо-саксонских стран. Военная доктрина Франции явное предпочтение отдавала стратегической обороне, основой которой были сухопутные войска. Флоту же отводилась второстепенная роль.

В то же время было бы неверно списывать Париж со счетов. Франция имела крупнейший флот среди государств континентальной Европы и один из сильнейших подводных флотов в мире. К середине 1930-х гг. усилилось ее соперничество с Италией во всех классах кораблей. С 1932 по 1935 гг. во Франции были заложены новые линкоры общим водоизмещением 502 тыс. тонн. Ее военный бюджет быстро увеличивался. В 1935 г. на военно-морское строительство тратилось около 2 млрд 900 млн фр., а в 1936 г. - уже почти 3,5 млрд [1, с. 274; 2, с. 299].

Выступая обычно в роли главной защитницы международных договоров, Франция на этот раз, к большому удивлению американцев, поддержала ревизионистские намерения Японии.

2 января 1935 г. французский посол в Вашингтоне Андре де Лабуле передал в госдепартамент ноту французского правительства. В ней говорилось, что Париж, как и Токио, «ни при каких условиях не согласится на продление Вашингтонского договора», так как установленные в нем соотношения «не соответствуют важности морских интересов» подписавших его государств [11].

Ведущие печатные издания французской столицы не скрывали своего удовлетворения по поводу денонсирования договора, крайне непопулярного в военно-морских кругах Франции. Публицист Андре Жеро (более известный под псевдонимом Пертинакс) писал: «Не следует оставлять никаких сомнений относительно того, что мы думаем о Вашингтонском договоре и о порожденной им системе... Иерархия, установленная Вашингтоном и Лондоном, несовместима с нашими интересами» [9].

Занятая французами позиция вызвала крайнюю обеспокоенность в США. Практическая идентичность взглядов Франции и Японии, по словам Хэлла, стала для госдепартамента «источником удивления и разочарования» [19, р. 182-185]. Американское общественное мнение было взволновано доносившимися слухами о франко-японском сближении или даже союзе [5, р. 466].

В разговоре с французским послом в Лондоне Андрэ Корбэном Дэвис отчаянно пытался доказать, что Япония действовала тактически так же, как Германия, и что обе эти державы старались вернуться к довоенным методам решения вопросов с помощью силы. Дэвис признавал, что Вашингтонский договор никогда не был во Франции очень популярен, но, намекая на германскую угрозу, посоветовал французам «оставаться верными договорам, которые они подписали» [Ibidem, p. 56-58]. Госсекретарь Хэлл в разговоре с французским послом Лабуле 3 января 1935 г. попытался убедить его в добром расположении США по отношению к Третьей республике, в понимании американцами опасности, которую представляла Германия для Франции. Однако, по словам Хэлла, японская угроза на тот момент была «более серьезной и непосредственной», поэтому настоятельно требовалось «сохранить Вашингтонский договор, который оставался отныне единственной еще действенной преградой японским амбициям» [Ibidem, p. 558-559].

Естественно, что японская угроза никогда не могла стать для французов более «серьезной и непосредственной», чем германская. Однако военно-морское присутствие сильных флотов Великобритании и США в Тихом океане уже долгое время служило в качестве гарантии защиты французских интересов на Дальнем Востоке. Вашингтонский договор гарантировал стабильность в регионе, сохранность французских финансовых и экономических интересов в Китае, защиту французских колоний. Все это Франция не смогла бы удержать без англо-саксонской поддержки.

С этой точки зрения французское поведение можно объяснить двумя причинами. Во-первых, огромным давлением на правительство военно-морского министерства, всегда отличавшегося во Франции крайней независимостью. Узнав о решении Японии денонсировать Вашингтонский договор, морской министр Франсуа Пьетри торжественно произнес: «Кажется, теперь мы можем лишь поздравить друг друга!». В своем донесении на Кэ д'Орсэ он дал ясно понять, что «Франция не желала пролонгирования договора после истечения его срока» в 1936 г. и отказывалась «участвовать в направленном против Японии общем фронте» [Ibidem, p. 127-130].

Во-вторых, к такому шагу Францию толкало уязвленное чувство собственного достоинства. Она была унижена условиями Вашингтонского договора, считая, что он привел «к значительной потере ее престижа» [Ibidem]. Теперь в 1934 г. эту великую державу даже не пригласили на предварительные англо-американо-японские консультации в связи с предстоящей конференцией в Лондоне. При этом Соединенные Штаты требовали от Франции согласия в будущем на продление унижительных соотношений, установленных когда-то в Вашингтоне.

Возникшая с приходом нацистов к власти в Германии проблема германского перевооружения накопила ситуацию до предела. Американцы рисовали перед глазами французских представителей картину японской угрозы, а в марте 1935 г. Гитлер объявил на весь мир о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Вашингтон предупреждал Париж о последствиях нарушения договорных обязательств, но одобрил подписанное в июне того же года англо-германское морское соглашение [6, p. 90, 116], в котором Великобритания нарушила не менее семи действующих пактов и соглашений, последнее из которых (в Стрезе) было заключено всего два месяца назад.

Морское соглашение вызвало бурю негодования в Париже [19, p. 167]. Гитлеровская Германия, при участии Великобритании и с одобрения Соединенных Штатов, открыто нарушила статьи Версальского договора, касающиеся ограничения морских вооружений. Англия не только позволила Германии иметь флот равный французскому, но, что более важно, она прорвала «фронт Стрезы», парализовав сопротивление нацистскому натиску.

Париж был смущен тем, что США решили поддержать Великобританию в столь важном для него германском вопросе. По мнению французских дипломатов, это соглашение сделало невозможным какое-либо ограничение морских вооружений среди основных морских держав, что явно не совпадало с планами США созвать новую морскую конференцию [Ibidem, p. 165].

Французы верно подметили двойные стандарты в дипломатии Вашингтона. В декабре 1932 г. США преодолели сопротивление французского премьера Э. Эррио и настояли на предоставлении Германии «равенства прав в вооружениях». При этом в 1934-1935 гг. они категорически отклонили притязания другой державы – Японии – на паритет в военно-морских силах. Поэтому так легко объяснить желание Пьера Лавала, занимавшего в то время пост министра иностранных дел Франции, «припомнить американцам Декларацию от 11 декабря 1932 г.» [5, p. 602].

Лаваль считал, что, поддержав Японию, Париж заставит американцев обратить внимание на французские требования безопасности перед лицом германской угрозы [Ibidem]. Однако в действительности позиция Франции вызвала скорее «огорчение» и привела к сближению США с Великобританией, в которой они видели своего главного союзника на Дальнем Востоке [Ibidem, p. 650-652].

К осени 1935 г. будущее морской конференции оказалось в крайне неопределенном положении. В первых числах августа 1935 г. правительство Великобритании опубликовало меморандум по тем вопросам, которые предполагалось вынести на рассмотрение морской конференции [19, p. 89]. Франция оказалась в затруднительном положении и, вынужденная рассматривать возможности увеличения своего флота, уклонилась от ответа на вопрос, будет ли она участвовать в предстоящих переговорах. Позиции США и Японии были противоположны и бескомпромиссны. Англичане, казалось, колебались [3, p. 107]. Великобритания, придерживаясь выработанного еще в 1920-е гг. курса, продолжала лавировать между Вашингтоном и Токио. Таким образом, накануне созыва Лондонской морской конференции противоречия между главными

морскими державами столь усложнились и углубились, что с полной отчетливостью обрисовалась неизбежность дальнейшей лихорадочной гонки морских вооружений.

Лондонская конференция открылась 9 декабря 1935 г. в сложной международной обстановке. На первом же пленарном заседании 9 декабря японская делегация выдвинула требование «наивысшего общего лимита», означавшего признание паритета флотов трех держав – США, Великобритании и Японии – в качестве гарантии достижения так называемого «равенства безопасности».

Американская делегация, возглавляемая Дэвисом, решительно отказалась от какого бы то ни было изменения пропорций, установленных между флотами держав на Вашингтонской и Лондонской конференциях, категорически отвергнув выдвигаемые Японией требования о паритете. По мнению американцев, очень важно было сохранить прежнее соотношение в морских вооружениях, которое в «прошлом служило гарантией мира». Критикуя концепцию Японии, Дэвис заявил: «Равенство морских вооружений не только не тождественно равенству безопасности, но более того – эти два принципа являются несовместимыми и противоположными» [8, р. 576].

Американцы могли рассчитывать на поддержку британской делегации. Накануне открытия конференции, 8 декабря, состоялись англо-американские переговоры, на которых две державы договорились твердо придерживаться вашингтонских пропорций и ни в чем не уступать Японии [12]. Заместитель госсекретаря У. Филлипс сообщал из Лондона, что британцы явно настроены на сотрудничество и «не сделают ни шага без ведома Нормана [Дэвиса]» [13].

Незадолго до открытия переговоров англо-саксонские страны получили окончательное подтверждение позиции Франции, которая пообещала воздержаться от поддержки японского требования «наивысшего общего лимита» [19, р. 156-158]. Отношение Третьей республики к созыву морской конференции было двойственным. С одной стороны, она была все еще рассержена подписанием Лондоном морского соглашения с Германией. С другой стороны, опасаясь усиления немецкого военного потенциала, она вынуждена была искать поддержки у США и Англии. Во Франции все больше приходили к выводу о бесполезности поддержки Японии в столь щекотливом для Вашингтона вопросе. Именно поэтому Кэ д'Орсэ категорически отвергла предложения морского министерства о едином франко-японском фронте на конференции. Французский дипломат Рене Массигли заявил, что «Франция ничего не выиграет от совместных действий с Японией» [5, р. 185-186]. Еще раньше МИД отказался от предложенной японским правительством совместной денонсации Вашингтонского договора [Ibidem, р. 225-232]. Внешнеполитическое ведомство явно не желало обострять франко-американские отношения.

Опасаясь изоляции, Франция на конференции воздержалась от провозглашения новой программы создания крупного флота и согласилась на паритет с Италией. Французский делегат, главный инспектор морских сил Средиземного моря адмирал М. Робер, высказался в поддержку американского тезиса. «Равенство безопасности, - заявил он, - не обеспечивается предлагаемым с японской стороны равенством вооружений вследствие различия потребностей морских держав. Если бы всеми державами был достигнут общий потолок, безопасность некоторых стран оказалась бы недостаточно обеспеченной, в то время как другие были бы чрезмерно защищены» [8, р. 579-580]. Одновременно другой французский делегат в Лондоне Корбэн в секретной телеграмме сообщал в Париж, что на переговорах Япония «объективно представляла нашу точку зрения» [7, р. 556-557]. Несмотря на формальную поддержку англо-саксонских стран, французы не желали быть связанными условиями Вашингтонского соглашения и с удовлетворением наблюдали за его крушением.

Неожиданно возникшая идентичность взглядов американской и французской делегаций легко объясняется последующим выступлением Франции. «Мы считаем, - продолжал Робер, - что различные державы должны пользоваться равными правами в вопросе вооружения, но это равенство должно быть компенсировано какими-то политическими и техническими гарантиями» [8, р. 398]. Взамен на свою благосклонную позицию и присоединение к договору по ограничению морских вооружений французы потребовали англо-саксонских гарантий по защите французской безопасности в Европе [Ibidem, р. 67]. Кроме того, Франция высказалась категорически против участия в конференции Германии, так как это означало бы, по ее мнению, окончательное крушение военных постановлений Версальского договора [20, р. 57-61].

Таким образом, Франция предпочла вернуться к традиционной политике «общего фронта» с англо-саксонскими державами, фактически двигаясь к той же прежней цели изоляции Германии и достижения гарантий от Великобритании и США.

В итоге японский тезис не нашел поддержки даже у французов, не говоря уже об англичанах и американцах. Токио отказался обсуждать какие-либо вопросы без предварительного принятия другими сторонами японских предложений, касающихся «общего наивысшего лимита». 15 января 1936 г. Япония покинула конференцию.

Без Японии участникам конференции удалось договориться лишь по двум пунктам: 1) об обмене информацией по вопросу о будущем военном судостроительстве; 2) о качественном ограничении морских вооружений. Конференцией были приняты следующие цифры индивидуального тоннажа и калибра орудий: для линкоров – 35 тыс. т и 14 дюймов, для крейсеров – 8 тыс. т и 6,1 д, для авианосцев – 23 тыс. т и 6,1 д, для подлодок – 2 тыс. т и 5,1 д [8, р. 5-44].

Достижение подобных результатов было несомненным успехом держав в вопросе морского разоружения. Но вместе с тем эти результаты представляли собой лишь «обломки того здания, которое было в свое время воздвигнуто Вашингтонской и Лондонской конференциями» [1, с. 350], так как договор не охватывал

Германию и Японию, в большом масштабе осуществлявших секретное военное строительство. Более того, Италия отказалась подписывать договор, сославшись на несправедливость наложенных на нее Лигой Наций экономических санкций в связи с войной в Эфиопии. В итоге соглашение об ограничении морских вооружений от 25 марта 1936 г. было подписано лишь тремя великими державами. Если новый договор и можно было рассматривать как определенный шаг на пути разоружения, то не всеобщего, а одностороннего. Вся система ограничения морских вооружений была безвозвратно разрушена, открывая путь для неограниченного морского соперничества.

Вопрос о морском разоружении в течение долгого времени являлся яблоком раздора для Франции и Соединенных Штатов. Французская республика отказалась подписать Лондонский договор в 1930 г. и выступила в поддержку ревизионистских требований Японии в 1934 г. Несмотря на заигрывания с Токио, французам так и не удалось привлечь внимание США к германской проблеме. Вашингтон, как и прежде, отказывался давать какие-либо гарантии Парижу и принимать участие в политических проблемах Европы. Американцы же, напротив, сумели добиться от Франции согласия на присоединение к Лондонскому договору и франко-итальянский паритет, хотя последний уже и не имел значения. Одновременно они постоянно настаивали на том, что японская угроза помогала им понимать французские страхи относительно Германии. Возрастание германской угрозы, усиление гонки вооружений на суше и на море заставило руководителей Кэ д'Орсэ вновь начать поиск союзников и перейти к политике сближения с Вашингтоном.

Лондонский морской договор 1936 г. оказался, по словам американского сенатора Уолша, «жалким документом» [4, р. 3790]. Однако с точки зрения политической, конференция имела большое значение. Она обозначила расстановку сил на мировой арене и будущих союзников по Второй мировой войне. На конференции наметилось сближение между Великобританией, США и Францией перед лицом общей угрозы на Дальнем Востоке. Одновременно происходило складывание коалиции стран-агрессоров. Речь шла в более широком контексте о поляризации сил на международной арене и приближении глобальной войны – о стратегии защиты долговременных интересов демократических держав от посягательств государств, представлявших наибольшую угрозу безопасности: Германии, Италии и Японии.

Список литературы

1. **Иванов Л. Н.** Морская политика и дипломатия империалистических держав (между первой и второй мировыми войнами). М.: Наука, 1964. 444 с.
2. **Солонцов З. М.** Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918-1945 гг.). М.: Изд-во ИМО, 1962. 416 с.
3. **Borg D.** The United States and the Far Eastern Crisis of 1933-1938. Cambridge, 1964.
4. **Congressional Record:** Proceedings and Debates of Sessions of 75-th Congress. Washington, 1936. Vol. 80.
5. **Documents diplomatiques français, 1932-1939** (DDF). Paris, 1979. 1-ère série (1932-1935). T. 8.
6. **DDF.** Paris, 1982. 1-ère série (1932-1935). T. 11.
7. **DDF.** Paris, 1984. 1-ère série (1932-1935). T. 13.
8. **Documents on the London Naval Conference 1935.** L., 1936.
9. **Echo de Paris.** 1934. 22 Décembre.
10. **Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs.** N. Y., 1969. Vol. II.
11. **Franklin Delano Roosevelt Library** (FDRL). President's Secretary's File (PSF). Diplomatic Correspondence. Box № 29. France: 1934-1937. Hull to Roosevelt. 5 January 1935.
12. **FDRL.** PSF. Naval Conference, 1935-36. Davis to Roosevelt. 9 December 1935.
13. **FDRL.** PSF. Naval Conference, 1935-36. Phillips to Roosevelt. 20 December 1935.
14. **FDRL.** PSF. Subject File. Box № 142. London Naval Conf.: 1934. Hull to Davis. 26 June 1934.
15. **FDRL.** PSF. Subject File. Box № 142. London Naval Conf.: 1934. Report by American Naval Attaché in Tokyo. 11 January 1934.
16. **New York Times.** 1934. 21 November.
17. **Pacific Affairs.** 1935. March.
18. **Pearl Harbor as History. Japanese-American Relations 1931-1941** / ed. by D. Borg and Sh. Okamoto. N. Y. – L., 1973.
19. **United States Department of State. Foreign Relations of the United States:** Diplomatic Papers, 1935. Washington, 1953. Vol. I.
20. **United States Department of State. Foreign Relations of the United States:** Diplomatic Papers, 1936. Washington, 1954. Vol. I.

LONDON NAVAL CONFERENCE OF 1935-1936 AND FRENCH-AMERICAN RELATIONS

Mariya Aleksandrovna Ermakova

Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

maria.ermakova@mail.ru

The author researches the policy of two great powers, France and the United States, before and during London Naval Conference of 1935-1936, using the archival documents of Franklin D. Roosevelt Library (USA) analyzes the specificity of the bilateral French-American relations on the issue of naval armaments limitation, considers the reaction of the French Republic and the United States to the collapse of Washington resolutions of 1922, and comes to the conclusion about London Conference influence on the mutual relations of two countries.

Key words and phrases: French-American relations; London Naval Conference of 1935-1936; naval disarmament; Washington Treaty of 1922; naval armaments drive.